

Пробка

Денис Белоногов

Денис Викторович Белоногов

Пробка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70312639

SelfPub; 2024

Аннотация

Мир будущего. Все человечество стоит в огромной пробке, которой нет конца и края. Города теперь не привлекают людей в их бесконечной миграции в поисках лучшей жизни. Герой стоит в пробке всю свою жизнь, смутно понимая, что здесь явно что-то не так, понимая, что жизнь не то, к чему он привык. Но задуматься о том, что же не так, у него просто нет времени. Огромная пробка длиною в человеческую жизнь совершенно непредсказуема и снимается с места в самый неподходящий момент – тут уж не до размышлений, не потерять бы хорошее место. Так все и продолжается, пока дорогу ему не пересекает девушка на красной машине. Она первый человек, с которым он неожиданно для себя может быть откровенным с тех пор, как родители оставили его в пробке. В общении с ней он наконец может задать себе вопросы, что станут толчком к поиску ответов за пределами пробки. Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Денис Белоногов

Пробка

Монотонный гомон людского скопления прервал звук фанатского горна, протяжно проревевший несколько раз. Стоянка пришла в движение.

– Сколько раз прогудела? – спрашивал суетливый мужчина, крутившийся на месте пытаясь ухватить за локоть сновавших мимо него людей. Желающих остановиться и ответить резонно не нашлось.

Мимо пробежала веселая детвора, возбуждение снимающегося лагеря передалось и им.

– Скоро тронемся – весело крикнули они суетливому господину, обежав его с двух сторон, так резвый горный ручей беззаботно минует камень.

– Так что же, уже пора? – не унимался господин.

– Недавно встроился в пробку? – парень средних лет остановился, пока подбирал нужное отверстие на поясном ремне, затягивая его потуже.

– Да, недавно. Вот решили...

"Провинциалы" подумал парень "Не сладко им придется, пока пообломаются и опыта наберутся".

– Не трать время, после гудков это ни кому не интересно. Я бы на твоём месте поспешил, можем тронуться неожидан-

но. Упустишь момент, застрянешь здесь еще на несколько дней.

– Тогда я побегу! – воскликнул господин и торопливо перебирая короткими ногами, рванул к своему автомобилю.

– А можем не тронуться... – задумчиво произнес парень, когда мужчина убежал.

***

Солнце, кажется, зависло в зените сверх положенного и нещадно припекало. Сколько позволял видеть глаз, равнину заполняли автомобили. Пыльные и неподвижные, стоящие, на первый взгляд без всякого порядка, они скорее напоминали кладбище подержанных автомобилей и все же, с высоты птичьего полета, все они стремились в одну сторону. Дорогу давно нельзя было разобрать. Автомобили стояли в сотню рядов, на многие тысячи корпусов вперед, а может и больше. Так далеко в пробке еще никто не заезжал. Время от времени, откуда-то спереди раздавались гудки, это служило сигналом для тех кто позади, что скоро пробка сдвинется и тут уж каждый сам за себя. Автомобили начинали заводиться. Кто-то без проблем, кто-то не с первого раза, со скандалом и руганью мужа с женой, скрипящими петлями капота. Тут же между машин сновали бойкие молодчики с нагловатыми лицами. В толпе они выделялись слишком накачанными руками, с узлами мышц обтянутых тонкой кожей. Все благодаря тяжелым аккумуляторам, что они таскали между машин, оказывая услуги по запуску автомобилей. В обычное время

жаловали этих молодчиков не больно, да куда ты денешься когда пробка вот-вот тронется, а у тебя машина не заводится, тут ты достанешь любые деньги и даже последнюю канистру топлива припасенную на "черный" день. К слову, этими молодчиками, дельцы в этих краях не ограничивались. Были "акулы" и покрупнее. Нелегальные продавцы топлива. Эти ребята были здесь главными. Ведь если у тебя нет топлива, тебе конец. Отстать в пробке, верная смерть. Наверстать упущенное ты уже никогда не сможешь, не стоит и пытаться. Те, кто не мог продолжать движение, оседали здесь. Они ходили между машин как неприкаянные призраки, завистливо заглядывая в окна своими безумными глазами. Их так и называли - "призраки". Никто не знал откуда они, куда держали путь, когда застряли здесь, их имена. Никому не было до них никакого дела. Ты жив, пока ты стоишь в пробке.

Теперь в это уже не верят, но есть легенда, что первые люди в пробках просто неторопливо ехали. Они слушали радио, говорили по телефону, глазели по сторонам, сигналили недотепам и говорят, даже добирались до конца маршрута. Со временем пробки достигли такой длины, что люди стали смотреть фильмы и читать за рулем, и все равно добирались до конца маршрута. Но когда все фильмы были просмотрены, а книги прочитаны, люди вышли из машин. Но не для того, чтоб идти пешком. Они стали общаться с соседями по пробке, коротать время за партией в карты или шахматы. Музыканты достали инструмент и музицировали. Это было

лишь начало череды изменений, что привели нас в настоящее.

Тем временем пробки росли. Раньше проехать пару шагов можно было за несколько секунд, затем минут, часов, дней, недель... Времени уходило все больше и больше. Сейчас это занимает месяцы и хотя последний раз они ехали пару месяцев назад, люди начали осторожно поговаривать не пришло ли время разменять год.

Сами понимаете выезжать из пробки стало неразумно. Главы семейств, что в начале недели выезжали на работу, возвращались к выходным. Чтоб сохранить привычный уклад, они решили брать семьи с собой. Дети учились в школах удаленно. Бесчисленные закусочные быстрого питания, позволяли есть плотно и недорого, да и детям это было по душе. Жены, и так преимущественно домохозяйки, могли больше времени уделить детям, себе и мужу, и даже перехватывать небольшие заработки прямо на ходу, благо клиентов вокруг были тысячи. Производители автомобилей как будто заранее знали к чему все идет. Автомобили и без того росли в размерах год от года. Сначала миллиметры, потом десятки наконец на целые метры. Дома на колесах стали очень популярны. Встречным трендом стало уменьшение мощности автомобиля в угоду экономичности. Автомобили ценились уже не за внушительные характеристики, а за удобство проживания и простор салона. Если в пробке проходит вся жизнь, то уж лучше провести ее в комфорте, чем ютяться в тесной

стальной коробке без кондиционера. Но вот, что необычно, так это то, что в какой-то момент рост остановился, большая машина это хорошо и удобно, да только малолитражки двигаются быстрее и проникают в такие щели, куда крупные авто даже не сунутся, а так как место в пробке стало единственным ценным ресурсом, то и конкурентное преимущество терялось. Автомобили больше не покупали ради удобства перемещения или самовыражения и престижа, их покупали ради более выгодного места в пробке. Люди рождались и умирали в пробках. Поговаривают даже, что пробка такая длинная, что проходит в несколько колец вокруг Земли.

Однако большие автомобили все же остались. Огромные, красивые начищенные до блеска дома-лимузины, принадлежали людям состоятельным. Но не стоило недооценивать их неповоротливость. Эти люди могли себе позволить иметь несколько маленьких и юрких автомобилей в кортеже, которые блокировали движение окружающих машин, оттесняя их от "хозяина". Они как рыбы прилипали, что всю жизнь сопровождают морских хищников, обслуживая их перемещение по океану. Особым пискom считалось иметь в кортеже мотоциклистов, что могли перемещаться в пробке без проблем и служили курьерами, контрабандистами и позволяли поддерживать связи с другими "крупными рыбешками" в пробке, хаос которой являлся ложным впечатлением. Даже в пробке есть свои законы.

Сейчас пробка представляла из себя пеструю толпу, объ-

единенную общей страстью к движению. Наверно у каждого была своя причина находиться здесь, но все они в целом искали лучшей жизни, хоть ни кто не представлял, какой она должна быть. Сначала люди ехали в поисках работы, потеряв рабочие места отданные машинам. Но когда пробка вырослась так, что стала самодостаточна и могла самовоспроизводиться не требуя для этого заметных ресурсов, люди потеряли цель, пробка удовлетворила все их потребности. Теперь все ехали по привычке, смутно чувствуя, что они едут не просто так, что где-то должно быть лучше и это место там, за горизонтом. Им бы остановиться, но этот бег не прекратить. Он сродни муравьиным кольцам смерти, где одни смотрят в хвост другим и лишь один Бог знает, что никто из них не достигнет конечной точки своего маршрута.

Само человечество, встроившись в пробку, потеряло страсть к развитию. Никто уже ничего не исследовал, не улучшал, ограничиваясь удовлетворением базовых желаний. Пробка стала самодостаточной. Самовоспроизводящейся. Люди более не искали новых вызовов. Они учились всю жизнь, но лишь для того, чтоб после учить других людей, тем самым встраиваясь в круговорот взаимного обучения.

Теперь Пробка стала нашим всем. Пробка смыслообразующая, пронизывающая и связующая паутина жизней на континенте. Она слишком ценна для нас, она стала нашей но-

вой большой водой, рекой, что кормила людей прошлого. Все в мире теперь идет от пробки и замкнуто на пробку, даже Пробку, она наша новая религия.

***

Города, какими их помнят лишь книги, да красочные журналы, более не существовали, они превратились в обветшалые памятники прошлого затянутые растительностью, отвоёвывающей свое, природы. Города не могут быть сами по себе, в них должен жить человек, но когда человек сел в свой автомобиль и покинул город, город устремился за ним, вытянулся вдоль дорог, сам стали дорогой.

Город был заметен издалека. На внушительных пиках-столбах светились всеми возможными цветами, соревнующиеся в своей крикливости, вывески закусочных, самый известный способ перекусить в этом, вечно спешащем мире. С ними соседствовали крикливые неоновые вывески супермаркетов выдачи товаров, заправок и автосалонов. Еще выше, у самого края неба, заметные издалека, вывески триединой компании МКБ, когда-то бывшие конкурентами, компании Ирландца, Короля и Полковника.

Скудный безликий пейзаж, бескрайняя равнина плотным ковром укрытая короткой плотной бурой травой, единственно живущей в этих суровых краях без обилия влаги, да редкие деревья с мощной корневой системой не допускавшие соседства с упрямо цепляющимся корнями за землю кустар-

ником, внезапно сменялся идеально ухоженными, словно разлинованные газоны, полями. Над которыми сновали дронны и пыльные автономные машины, с непроницаемыми для света кабинами, что служили вместилищем дорогой и невероятно умной электроники, способной ухаживать за полями такого масштаба, предугадывать погоду. Следом за полями следовали хранилища аграрных предприятий, где все выращенное машинами перерабатывалось, складировалось и распределялось по потребителям, либо утилизировалось, не найдя спроса. Никто толком не знал, кто управляет этими мощностями, некогда выяснять.

Следом шли корпуса цехов перерабатывающих и производственных предприятий, административные здания, все указывало, что здесь владения человека, но самого его, видно не было.

Все эти аграрные предприятия и заводы могли бы обеспечить людей богатством на многие века, но люди потеряли связь с системами которые построили и теперь умные машины возделывают поля, создают продукт и утилизируют его по мере выхода из строя на полках складов. В магазинах изобилие, но нет времени на универмаги, все ищут лучшей жизни простаивая в пробках и листая бесчисленные электронные каталоги с товарами, что вообще способно предложить человечество, чтоб купить очередную безделицу и вдоволь наигравшись, сдать ее в переработку и подарить вещи новую жизнь.

Центральная часть города, если ее можно так назвать, была одним длинным красочным аттракционом вывесок, вереницей сменяющихся окон, уходящих вдаль сколько видел глаз. Там можно было заказать и тут же забрать готовую пищу, употребляя ее на ходу, в автомобиле. Здесь не было столиков, не было интерьеров, здесь нельзя было укрыться от непогоды, ибо никто не желал помнить место, в котором ты проездом и уже никогда не сможешь вернуться. Любой товар приобретался на терминале самообслуживания, чем-то похожим на меню в компьютерной бродилке. Сдать в переработку неисправную деталь автомобиля и тут же получить новую, доплатив в одно касание. Не вопрос! Для вас есть соответствующая вереница окон. Заправиться топливом. Зарядить севший аккумулятор на зарядной станции или получить новый, взамен неисправного. Все к вашим услугам. В городах бывали мимоходом, перехватывая покупки на лету, пополняя запасы и беря заказы для работы на ходу.

Сами по себе безлюдные, управляемые сложными механизмами города, однако, имели небольшое население. Туда прибывались бродяги и "призраки", но кроме них города становились пристанищем тех, кто сознательно решил покинуть пробку, туда выходили на пенсию, или сворачивали на обочину жизни, сдавшись под ее натиском, перебывались случайной пищей и выпивкой, ночевали где придется. Но то было маргинальное меньшинство.

Есть мнение, что Пробка начисто лишила людей представления о доме. Растворила в памяти способность заботиться о себе, поддерживать хозяйство, обеспечивать себя. Но на деле, это сам человек отторг идею дома и пустился в путь, обремененный лишь самым минимумом. Человек-стоящий (в пробке), новая веха в истории человечества, пришедший на смену человеку-ищущему (лучшей жизни), стал ответом на изрядно замедлившееся движение пробки. Теперь пешие походы до закусочной или пункта выдачи, стали одним из самых ярких развлечений в однообразном быте пробочников. Туда ходили целыми семьями, стоя в длиннющих очередях от окна к окну, а после, забрав еду и покупки, тут же садились в кружок, прямо на землю и разбирая сэндвичи из больших бумажных пакетов, ели не сходя с места. В целом же жизнь проходила внутри или в непосредственной близости от своего автомобиля, в ожидании заветного сигнала дающего старт к движению.

Даже те кто решил покинуть пробку и ехать на побережье, чтоб обрести покой, и умиротворение, продолжали стоять в пробке. Они каждое утро выходили из автомобиля, садились в раскладное кресло, накинув панамку от палящего солнца и преисполненные достоинства рассказывали всем, кто имел неосторожность пройти мимо, что они-то не как все, они едут в сторону воделенного океана, где проведут остаток жизни, нежась на пляже и предаваясь воспоминаниям. Что устроят небольшой сад, чтоб копаться с рассадой, а жить бу-

дут не в опостылевшей коробке, а в славном маленьком до-
мике с собачьей будкой подле. И под навесом, лежа на шез-
лонге, со стаканчиком лимонада или чего покрепче, будут
наблюдать за суетным перемещением автомобилей в пробке,
проезжающих мимо в неизвестность, ну пока они хоть как-
то двигаются. Дело за малым, добраться, но они слышали,
что пробка вот-вот ускорится, а там уже песчаный берег где
они останутся, а все остальные, бедолаги, поедут дальше. Не
стоит и говорить, что почти все они так и заканчивали жизнь
в своем трейлере, не добравшись до океана. "Стервятники"
быстро потрошили машину, оставшуюся без водителя.

***

Парень покрутил ключом в замке и открыл дверь автомо-
биля. Горячий воздух салона обдал его жаром. Он сел в крес-
ло и опустил все стекла. Повсюду жужжали стартеры заво-
дящихся двигателей. Сам он не торопился, солидный опыт
в пробке подсказывал, что время еще есть и даже если там,
далеко впереди, машины тронутся, то не факт, что начавше-
еся движение не заглухнет задолго до его места в пробке.
Чаще всего, небольшая суета, там, далеко впереди, только
позволяла упорядочить машины и не более. Не стоит из-за
этого тратить топливо. Есть конечно мизерная вероятность,
что когда придет пора завестись, двигатель даст сбой, но на
этот случай у него предусмотрено несколько уловок, не сто-
ит нервничать по таким пустякам.

Сигнал горна больше не повторялся. Сотни, тысячи дви-

гателей вокруг него работали, нещадно греясь. Вентиляторы под капотом выталкивали наружу струи горячего воздуха, отчего окружающее пространство разогревалось нестерпимо. Раздался пронзительный гудок местного "регулирующего", где-то совсем поблизости. Ну вот и оно, пора, скоро поедет. Он повернул ключ в зажигании. На приборной панели вспыхнули индикаторы. Позади загудел топливный насос, похоже все в порядке. Короткий поворот ключа и двигатель ожил, довольно заурчал под капотом. Поодаль машины приходили в движение. Несколько машин совсем рядом продвинулись, освобождая место, которое сразу заняли счастливицы, что были ловчее других. Резкий гудок справа заставил повернуться на звук. Там, в освободившуюся клетку этой масштабной шахматной доски, устремилось сразу три машины. Естественно кому-то повезло больше, он залез, а те кому не повезло, остались этим недовольны. Но после драки кулаками не машут, в пробке все равны, кто залез, тот и поедет, удел остальных, терять бесценные секунды, минуты и часы своей жизни, стоя в пробке. Ирония. Они все, годами стоят в пробке, сейчас уже не разобрать кто потратил больше времени. Выиграл здесь, проиграл там. В среднем, все томимся одинаково, замкнутые в своих стальных коробках, словно в адских котлах. Он снова вздрогнул от сигнала, это возмутился водитель позади. Черт. Небольшая алая машинка вклинилась между ним и продвинувшейся впереди машиной. Вот дерьмо, он упустил момент! Зазевался. Сам виноват. Он по-

мигал аварийкой соседу позади. На время все замерло. Машины стоят, воители ждут. Кто поедет следующим? Сигнала к концу движения не было, а значит поехать можем в любой момент. Прошло еще несколько минут. Жара только усилилась, не спасали и открытые окна. Вой вентиляторов охлаждения усилился, они работали на пределе. Двигатели охлаждаются горячим воздухом, совсем не эффективно. Как же давно они не ехали быстро. Он поймал себя на мысли, что не знает как это – ехать быстро. Фактически, с момента как он, совсем еще юным, осознал, что они едут в машине, неизвестно куда. Что так пройдет его жизнь. Он не ездил быстрее скорости глухой пробки. Он много раз представлял как это будет, в своих фантазиях, порожденных фильмами из прошлого, где ездили по узкой серой полосе асфальта, исчезающей за горизонтом. Машина летит, окна открыты, прохладный воздух задувает в салон и выдувает из головы все тревоги и заботы, целительная безмятежная скорость, размеренные взлеты и спуски на склонах, пустое шоссе и зелень вокруг. Сейчас так не ездят, все вокруг безжизненная пустыня опустошенная миллиардами автомобильных шин. Никто много лет не видел ту призрачную серую асфальтовую полосу. Кое где они правда остались, ушлые дельцы огораживают их лентой и пускают посмотреть за деньги, как диковинный аттракцион. Впереди возобновилось движение и их пестрый автомобильный ряд сложился в новый узор. Машины-стекляшки перемешиваются, образуя новые диковинные

мозаики. Если Бог есть, то он большой затейник, наверно ему нравится наблюдать сверху за этим огромным безумным калейдоскопом, радуется поди, как ребенок.

В этот раз он не проворонил мгновение. Слева образовалась небольшая щель, из-за того, что весь поток продвинулся наискосок и он ловко зарулил нос автомобиля в образовавшийся проем. Дело сдвинулось, теперь машины перемещались бойко. То и дело появлялись новые "прорехи" и тут уж не зевай. Главное залезть в хорошую струю, потому, что когда все поедут, уже будет не до маневров, следи, чтоб перед тобой не вклинились, да скорость не теряй.

Теперь они ехали. Движение выровнялось и перестроения почти закончились. Машины справа и слева медленно отставали, поток он выбрал удачный.

"Ого, если так пойдет и дальше сделаю не меньше ста кузовов" – мелькнуло в голове, но он отбросил эту мысль. Дорога непредсказуема и случиться может всякое. Он зорко следил и мгновенно пресекал попытки других автомобилистов потеснить его, в такие моменты нужно быть очень бдительным, желающих влезть в стремительный поток всегда много, люди зависимы от успеха и всегда норовят примкнуть к нему, чего бы им это не стоило. Впрочем, вся пробка пришла в такое деятельное движение, что никому не было дела до покушения на успех других, не потерять бы достигнуто-

го, все в равном положении. Он почувствовал на себе заинтересованный взгляд, но виду не подал, не время и не место переглядываться, все внимание на дорогу.

Скорость начала снижаться и автомобили, осилив последние сотни метров, остановились. Пробка оглашалась нетерпеливыми гудками. Все замерли в ожидании, двигатели не глушили, надеясь, видимо, что поедут снова и успех получится развить. Азарт скорости увлек водителей равнины. Прошло минут пять. Где-то поблизости раздалось осторожное "Похоже сегодня уже не поедем". Еще через пару минут гомон множества голосов отчетливо превысил мерный гул автомобилей, люди решали нужно ли глушить двигатели или еще подождать. Время шло, пробка стояла, однако распорядитель не давал сигнал отбой. Смутно понимая, что такого не бывало, что после такой паузы поток вернется к движению, и все же пробка за долгие годы своего существования обросла суевериями и привычками, никто не покидал машин. Люди глазели по сторонам. Присматривались к новым соседям, оценивали как далеко продвинулись, сравнивали свой результат с менее или более удачливыми соседями. Лишь отцы семейств время от времени опускали взгляды на приборную панель, с покорной злостью наблюдая за тающими единицами топлива в баке.

Остывшие было в движении автомобили, снова набирали температуру. Он выкрутил ручку салонной печки на мак-

симум, чтоб двигатель не перегрелся. Горячий воздух с запахом пыли вторгся в салон, на зубах заскрипел песок. Вот теперь подлинное пекло. Горизонт плавился, размываясь в струях горячего воздуха.

Из старенького универсала поблизости, раздался детский крик. В движении было замолчавший, грудной ребенок снова требовал к себе внимания. Отец, за рулем автомобиля, непримечательный, даже в такую жару в выдавшем виды костюме, будто менеджер в непрерывном поиске работы. Его жена, приятная молодая девушка, пышногрудая добродушная хохотушка, с кричащим на руках младенцем. Она приветливо помахала ему рукой, ни мало не стесняясь, что ребенок терзает ее грудь, принаравливаясь к кормлению. Он несуразно кивнул в ответ и отвел взгляд, чувствуя как к лицу приливает кровь. На заднем ряду универсала сидели молодые отпрыски семьи, светловолосые мальчик и девочка одного возраста, наверно погодки.

В голове крутилось "О чем они думают? Что за сила заставляет их заводить детей в пробке? Месте совершенно не подходящем для новорожденных... Нужно перестроиться при первой возможности, соседство с ними может добавить шума и хлопот", но взвесив все за и против, приняв тот факт, что терять самый быстрый ряд в пробке, из-за мелких неудобств, неразумно, решил ничего не менять.

Вдалеке проревел гудок. Вздох облегчения разнесся над

долиной и все двигатели, послушные повороту ключа в зажигании, разом заглохли. Еще долго будет нестерпимо жарко от тысяч остывающих двигателей. Кое где еще будет движение, точечные перемещения пока пробка утрамбуется, но основное движение точно затихло. Можно расслабиться, осмотреться, может даже найти поблизости машину-закусочную, он порядком понервничал и теперь в желудке подсасывало. Он вспомнил, как когда-то, несколько дней подряд питался одной лишь вьетнамской лапшой, потому, что других закусовых поблизости не было, а пожилой вьетнамец, единственный кто мог готовить пищу на кого-то кроме себя, ничего другого, кроме лапши в безвкусном, совершенно не жирном бульоне с обилием тошнотворно пахнувшей травы, готовить не умел.

Справа кто-то говорил, он не придавал этому значения. Все его мысли были заняты голодом, так некстати напомнившим о себе. В водительскую дверь ударил мелкий камушек. Он повернулся. Рядом стояла небольшая красная машинка, та, что совсем недавно воспользовалась тем, что он зазевался. Он вновь почувствовал как тепло смущения приливает к лицу. Через окно на него смотрела девушка.

– А? – только и смог спросить он и сразу почувствовал себя глупо.

– Хочешь сэндвич? Могу поделиться половиной – девушка подняла вверх пол багета.

– Да, очень хочу. Не помню когда ел последний раз.

– Ну на, бери – она вытянула руку с булкой через окно.

Дотянуться не получится. Он потянул крючок двери, толкая ее коленом. Лишь в последний момент он остановил открывающуюся дверь от удара мальчика, невесть как оказавшегося между их машинами. Тот стоял у его двери, взъерошенный, с разводами грязи на лице, как обычно бывает у мальчишек в его возрасте, и желто-белой противной соплей, как осторожный зверек вылезавшей из его носа, чтоб через пару мгновений быть втянутой обратно, с громким шмыганьем.

– Дядя, куда все едут? – спросил мальчишка.

– Не знаю, парень. Дуй отсюда! Чуть тебя не пришиб – с досадой ответил он мальчишке. Сердце потихоньку замедлялось.

Мальчишка пошел дальше.

Дети были повсюду и только окрепнув и встав на ноги, уже увязывались за товарищами постарше, осваивать незнакомый для них мир. Они сновали повсюду, с любопытством разглядывали как кто-то ковыряется под капотом, сидели у костра, гуляли взад-вперед, или как мартышки лазили по лестницам и канатам пожарных машин, что обязательно встречались в потоке. Последние, обычно содержались пожилым отцом, потомственным пожарным и его сыновьями, молодыми крепкими парнями, и кормились тем, что сопровождали огромные секции пробки. Люди, без всякой договоренности, жертвовали им на службу, понимая ценность их работы. И все же вернемся к детворе. Они кормились с лю-

бого стола, где бы не застал их голод и всякий был готов их согреть, и приютить. Если же пробка приходила в движение и детвора не успевала вернуться в автомобиль родителей, то они залазили в ближайшее авто, чтобы после остановки вернуться в семью или продолжить гулять как ни в чем не бывало.

– Чуть не приложил паренька, а? – улыбнулась девушка.

– Не говори – ответил парень, осторожно открывая дверь. Он взял в руки протянутый сэндвич и жадно откусил. Почти не жуя, он проглотил половину и только тут вспомнил о приличии.

– Спаибо – неразборчиво пробубнил он, кивая головой и махая хлебом.

– Кушай, кушай, поправляйся! – ответила девушка.

Когда с булкой было покончено, он спросил.

– Что я должен?

– Ничего – ответила соседка.

– Так не бывает – широко улыбнулся он.

– Ну поможешь мне как-нибудь, если с машиной проблемы возникнут.

– Хорошо – сказал он задумчиво.

Вообще-то такие обещания по нынешним временам были, либо очень ценными, либо неосуществимыми, такими не разбрасывались. Если ты помогаешь кому-то, то теряешь время и место в пробке, а твое место – самая большая цен-

ность.

– Да шучу я! – махнула девушка со смехом – Аж в лице изменился! Давно стоишь?

– Сегодня? – не понял парень, садясь обратно в машину. Он оставил дверь открытой, так прохладней, да и говорить проще.

– Ну нет конечно, вообще, сколько?

– Да как взрослый стал, помню, что родители странные разговоры со мной вели. Я тогда и не придал этому значения. А одно утро проснулся, а их нет. Вещи только с собой прихватили. Тут гудок раздался, некогда было размышлять. Я пересел на водительское и поехал дальше. С тех пор так и еду.

– Куда едешь?

– Сначала куда они ехали, потому куда все, а сейчас просто еду и не думаю об этом. Наверно в один момент я пойму, что доехал.

– Эх, знать бы, что это за момент – задумчиво согласилась девушка.

– А ты как за рулем оказалась?

– Мне родители купили место в потоке. Они копили всю жизнь на место подальше впереди, вместе с машиной. Я помню, они так радовались за меня. Да я и сама, признаться, по инерции думала, что это то, чего я хочу. Поначалу еще мы часто виделись. Я бегала к ним в гости. Потом они все дальше отставали, стало далеко ходить, высокий риск поте-

рять место в пробке, на покупку которого мои родители всю жизнь положили. Потом и заботы появились, нашла работу недалеко от своей машины, да и брать деньги у родителей не по себе было. Ну, одним словом, как-то раз вернулась туда, где ожидала, что они есть, бродила, да так никого и не нашла.

– Тоже получается "призраки"?

– Может быть, я все же надеюсь, что они где-то там позади, продолжают ехать и быть может так сложится, что их ряд догонит мой и мы снова увидимся.

– Не звонила?

– Поначалу было неудобно, потом не попадались населенные пункты со связью, здесь же захолустье, да и скорость последнее время никакая, уже и не помню когда последний раз быстро ехали, или пятьсот метров покрыли, все плетемся и плетемся. Вот надеюсь, что в городе к которому подъезжаем будет связь, тогда и позвоню. Надеюсь позвоню... Мне теперь очень страшно, вдруг они отстали сознательно, чтоб не обременять меня, мое продвижение в пробке. Я очень боюсь узнать, что они где-то осели, завели дом. А ты не звонил?

– Телефона нет.

– Понимаю, не хочешь говорить.

– Да...нет... Я просто не вижу смысла... Они ведь сами уехали, мне не купили место в пробке, просто ушли. Значит это то, чего они хотели.

– Не хочешь узнать почему?

– Не очень... Может раньше хотел, но время прошло, по-

стоянное движение, все время начеку, теперь просто не хочу.

Они замолчали.

– Может вечером поищем нормальную кухню?... Вместе... – спросил парень.

– Давай! Меня кстати зовут...

Парень мотнул головой, обрывая ее на полуслове.

– Не стоит, имена это личное... Зови меня Форд.

– Как твою машину? Хорошо, мне нравится!

– А я буду звать тебя Купер Рэд – он улыбнулся своей находчивости.

– А что! Мне нравится! Только не слишком ли длинно?

– Ну иногда Купер, иногда Рэд, а полностью по особым случаям!

Они дружно рассмеялись.

– Думаешь сегодня больше не поедем?

– Не думаю, наверно сама заметила, в последнее время мало продвигаемся, кажется скоро просто встанем навсегда.

И тогда все мы "призраки" – он нервно засмеялся.

– А ты когда-нибудь думал каково это?

– Что?

– Быть "призраком", принять, что больше ты не тронешься никуда, что тот пейзаж, что сейчас вокруг тебя, останется с тобой до конца твоих дней.

– Типа сейчас по другому – я эту горную гряду вижу уже не один год. А камни, кусты, деревья, ну они же встречаются часто, каждый из них по своему уникален, ты не сможешь к

ним привыкнуть.

– Но дом-то не изменится никогда. Он всегда будет из одного и того же серого камня.

– Ну не скажи, машины же разные. У тебя красная, у меня серая. Покрась дом в другой цвет. Деревья опять же растут, медленно, но растут. Каждый раз ландшафт меняется, просто неспешно. Как если мы едем... в пробке.

– То есть ты бы смог?

– Я не к тому. Я сейчас тоже вроде как на одном и том же месте топчусь, изменения день ото дня незначительны. Да и не думал я о таком. Зачем? Еду и еду.

На время они замолчали. Форд неспешно толкал дверь, которая каждый раз захлопывалась, прижимая его ногу. Купер методично стирала пыль на лобовом стекле.

– Люди...

– Что, люди? – оживилась она.

– Ну наша жизнь это же не сменяющийся ландшафт. Вокруг нас люди, мы их не замечаем, но в сущности мы каждый раз в самой гуще событий, в самой толпе. Может все процессы и проходят для нас незаметно, но они есть. Мы взаимодействуем с людьми и так проживаем нашу жизнь. И дело вовсе не в смене места. Ты можешь пережить яркую и насыщенную жизнь, даже совершенно не сходя с места, нужно лишь слушать людей, переживать их опыт, прочувствовать их эмоции, проникнуться их идеями. Представь то место, куда мы едем.

– Да я же не знаю – развела она руками.

– Ну понятно, я тоже не знаю чего ожидать, но что я знаю наверняка, что там тоже будут люди. Со своей историей, местными обычаями, особенностями, непривычным говором и своими уникальными, хоть и такими близкими нам, заботами.

– Другие люди?

– Именно, каждый раз новые люди! Как тот мальчишка, ну который спросил куда мы едем. Завтра будет другой мальчишка.

– Вроде поняла...

– Ну же! Ты едешь и приезжаешь в новое место, а там новые люди. Или ты стоишь на месте и смотришь по сторонам, но разве там одни и те же люди? Нет! Они тоже меняются, они продолжают ехать!

– Теперь поняла! И все же я хотела бы куда-то поехать...

– Верно... Стоим и стоим.

– Пройдемся?

– Давай. Сегодня уже никуда не поедем.

Каждый по своему, скоро, они собрались, осторожно урывками глядя на себя в зеркало заднего вида. Одновременно захлопнули двери своих авто и закрыли на ключ. Он обошел красную малолитражку и жестом пригласил спутницу идти за ним, сделал первый шаг. Он уходил и раньше. Но каждый его поход пешком, всегда имел определенную рациональную цель, четко определенные временные рамки,

направление и пути отступления, а так же план на случай непредвиденных затруднений. В этот раз, он наверное впервые с момента как он остался один, просто шел куда глаза глядят. Единственное, в чем он не отступил от привычного ритуала, он проверил, что его маяк его автомобиля отражается на компактном планшете навигатора.

Поначалу шли молча. Трудно заводить разговор с человеком пронзившим твой защитный барьер и пропустившим ответный укол, но все же незнакомым и чуждым. Обращая внимание друг друга на забавные и курьезные подробности и образы окружающих их людей, событий, будь-то нелепая наклейка на кузове, или грузный бородач, принимающий ванну, установленную на крыше его фургона. Постепенно подбирая слова они находили естественный мотив в разговоре друг с другом. Дело уже доходило до осторожных, таких деликатных толчков друг друга локтями.

– А ты заметил? Мы идем в обратную сторону.

– Ага, ты про это чувство, что тянет нас назад. Потому что мы, без борьбы отдаем весь путь, пройденный за сегодняшний день.

– Оно самое, очень не люблю ходить назад. Предпочитаю идти вперед, чтоб узнать, что ждет меня впереди и быть готовым. Но знаешь...

– Что?

– Ловлю себя на мысли, что за компанию это не так болезненно.

Девушка рассмеялась.

– Пожалуй – севшим голосом ответил он и румянец снова неловко наполнил ямочки у его носа.

– Кушать хочется.

Словно бы в ответ на эту мысль, неподалеку заиграла скрипка, крикливо, фальшивая ужасно, однако настолько залихватски и задорно, что решительно невозможно было остановиться и не броситься в пляс. Они направились на звук.

Фургончик кухни на колесах, уже был окружен порядочным количеством гостей. Несколько, держались с хозяином по-свойски, завсегдатаи. Людям свойственно прикипать к окружающей обстановке, привычному быту и уюту, знакомым лицам окружающих. Такие всегда держатся поблизости и готовы поступиться успехом в угоду привычному укладу жизни. Остальные же оказались "вновь прибывшими" и теперь присматривались к меню, выбирая чем перекусить.

Хозяин закусочной действовал тонко, он знал человеческую натуру. Сначала он, как дудочник из сказки, заманивал посетителей лихими мелодиями, а затем, ловко орудуя ножом и шумовкой, на раскаленном столе для жарки, готовил угощение источающие манящие ароматы. Он кормил много и до сыта, от посетителей отбоя не было. Атмосфера веселого праздника исходила от закусочной, чему способствовали и разноцветные лампочки по фасаду. Дети и девушки, собравшись в круг беззаботно отдались танцу, а мужчины, до-

вольные, стояли подле, держа свертки с закусками и наблюдали за этим радостным вихрем. Лишь время от времени, кто-то из них обращал напряженный взор в ту сторону, откуда ожидал услышать заветный сигнал к движению, а может с надеждой оттянуть его и вдоволь насытиться атмосферой всеобщего веселья.

Заказав что-то из арабской кухни они ели, неловко пробуя друг у друга с тарелок. Снова смотрели концерт и снова заказали еду, замороженно наблюдая за танцем стали над раскаленным столом для готовки. Готовую еду взяли с собой, решили съесть на ходу.

– Хочешь туда? – она указала на холм, в паре километров от них.

Форд посмотрел в нужную сторону.

– А ты отчаянная... Не боишься, что поедут?

– И что с того? Кузов туда, кузов сюда. Отстанем на один переезд. Что ты теряешь?

– Даа... Трудно сказать, что я теряю, не зная, что я приобретаю.

– Ну? Идешь? Я пошла. Догоняй, когда передумаешь ныть.

– Ладно, идем – воскликнул он, уязвленный этим ребячеством – Но если гудки, тут же назад!

– Посмотрим! – рассмеялась она, подначивая.

Пеший переход скупен лишь на первый взгляд. На деле, всякий хороший переход приправлен беседой. Они наблюдали окружающих их людей, что проводили вечер за своими обычными делами, готовили, ковырялись под капотом автомобилей, нянчили детей, или собравшись в кружок рассказывали страшные истории, подсвечивая фонариком лицо, выпивали, играли в карты, болтали, расположившись на капоте или крыше своих колесных домов и устремив взгляды в единственное свободное от пыли пространство – ночное небо. Все это давало пищу для ума и разговора.

Ближе к краю пробки, молодежь, что посмелее, сбивалась в маленькие группы, чтоб устремиться в темнеющую мглу.

– Эй, молодежь!?

Форд и Купер оглянулись на голос.

Опираясь всем своим весом на открытую дверь автомобиля, на них смотрел местный полицейский. Мужчина, судя по возрасту и изношенной форме, в былые времена уже бы вышел на пенсию, но в Пробке ты принимаешь свою профессию как долг, навсегда.

– Вы далеко, молодежь?

Форд и Купер настороженно переглянулись. Однако взгляд полицейского был доброжелательным, поэтому они подошли.

– Добрый вечер! Хотим сходить до холма – неуверенно ответила Купер.

– Бывали раньше за пределами пробки? Это не безопасно. Дикае животные водятся, довольно злобные, да и "призраков" слетевших с катушек хватает.

– Не бывали – ответила Купер.

– Идите конечно, если вы решились, но если запахнет "жареным", тут же назад. Фонарики есть?

– Есть – ответил Форд – А причем здесь жареное?

Купер ткнула его локтем в бок.

– Это старое выражение, ну если почувствуем опасность – разъяснила она.

– Молодец! – кивнул полицейский и подмигнул Форду – держись за нее, не пропадешь!

– Идите до холма и обратно, я здесь покараулю, но не задерживайтесь.

– Спасибо! – ответила Купер.

Они погрузились в темноту, освещая путь фонариками. Идти было не сложно, скалистая местность и плотный песок делали их шаги мягкими и непринужденными. Тут и там из темноты раздавались радостные крики и смех. Вечер был теплым, от земли веяло теплом, накопленным за жаркий день.

Купер вдруг остановилась, отошла назад, присела, пощупала землю под ногами и смахнула пару раз в стороны.

– Смотри – окликнула она.

Форд подошел.

– Это же дорога, из старых времен! – восторженно вос-

кликнула Купер, указывая на находку.

Форд тоже присел со своим фонариком и теперь разглядывал твердую корку асфальта. Он приложил ладонь.

– Теплая... Еще отдает дневное тепло. Чудно.

Они оба встали и стали ногами разметать пространство вокруг от песка.

– Смотри, смотри! – воскликнула Купер – Это белая полоса, разметка!

– Точно! – Форд снова присел и поскреб ногтем белую краску разметки – Кажется ведет туда – он ткнул лучом фонарика вперед – Пройдем?

– Спрашиваешь!

Они пошли вдоль дороги. Через несколько метров асфальт проявился из песка. Немного потрескавшаяся, но все же настоящая дорога – пыльное серое полотно с закостеневшей, словно скелет, линией разметки по краям.

Форд шел неторопливо, мягко чеканя шаг, чтоб запомнить ощущения дороги, Купер напротив скакала вокруг него в некотором подобии детского танца, придумываемого ей прямо на ходу. Их фонари рыскали из стороны в сторону.

– О! Смотри – Купер внезапно сорвалась с места и побежала.

Форд побежал за ней, но едва не сбил ее с ног, так резко она остановилась. Свет их фонарей высветил в темноте высокую конструкцию, стоящую прямо на обочине перекрестка.

– Уоу! Это же светофор! – воскликнула Купер.

Они ходили вокруг светофора, указывая друг другу на мельчайшие детали .

– Стекло почти не потеряло цвет, только пыльное.

– Ага!

– А вон смотри еще! – Купер азартно крутила фонарем в поисках новых диковинных достопримечательностей.

На другой стороне перекрестка стоял столб-указатель, из тех, что когда-то указывали расстояние до городов в каждой стороне света.

Они подбежали к указателю и теперь светили на доски в форме стрелок.

– Черт – выругался Форд – Ничего не видно, все закрашено.

Все надписи на досках были вымараны краской из баллончика и посторонними надписями.

– О чем они? Как думаешь? – спросила Купер.

Она осветила фонариком надпись – "оставьте свой бег, спасайтесь"

– Не знаю, но на угрозу не похоже, больше на предостережение – он поежился – Вряд ли нам что-то угрожает.

Неподалеку раздался смех и крики. Лучи фонариков перекрещиваясь в безумной схватке, вспыхнули неподалеку. Это очередная компания веселой молодежи бежала в их сторону.

– Ну вот, теперь мы не одни, скоро прибегут еще – сказал

Форд.

– Ага. Давай завтра придём? Посмотрим при свете дня.

– Если все не растащат на сувениры... Идем обратно?

– Не куксись! Мы же хотели на холм. Посмотрим свысока, что нас ждет впереди?

– Пойдем, раз решили – нехотя согласился Форд, поворачиваясь в сторону холма.

Темный, с неприступным уклоном изъеденным рытвинами, холм выглядел хмурой громадой. Отчего не привлекал зевак и молодёжь. С непривычки, оба глубоко дышали, периодически упираясь ладонями в колени, чтоб упростить подъем. Форд говорил мало, экономя силы, лишь невнятными жестами и короткими междометиями отвечал неунывающей Купер, скакавшей впереди, словно не ощущая сизифовой тяжести склона. Он едва поспевал за ней.

Холм венчала скудная площадка. Проплешина, съеденная дождями и ветром не позволяющим ничему живому оставить там и малейшего следа, кроме сухой скомканной пыли. Там они замерли созерцая столь ясно представившееся им будущее. Фонари безвольно повисли в руках. Далеко впереди, на обширной равнине расстелившейся у их ног, даже ночью не прекращалось броуновское движение, кажется не поддающееся никакому осмыслению. Словно переплетающиеся рои светлячков, десятки тысяч машин кружили в долине, повинуюсь естественному порядку движения. И ответвляясь от основного кольца, расходились в стороны как

лучи далекого солнца.

– Немыслимо – негромко произнесла Купер.

– Что именно? – Форд пристально посмотрел на нее.

– Немыслимо, что это препятствие можно осилить за короткую человеческую жизнь.

– Мы медленно, но движемся, осилим и это кольцо.

– Именно, медленно утекает мое время, все, что мне отпущено принадлежит мне, а не этому безумному круговороту.

– Так уж это устроено.

– И ты так просто миришься с этим устройством. Ведь ты еще молод, разве страсти оставили тебя? Разве не разрывают они тебя, даже в этих тесных стальных коробках, разве не душит тебя их жестяная рубашка? Разве не хочешь ты вырваться за границы привычного, свернуть с проторенной колеи?

Он промолчал, внезапно осознавший о чем она. О тех внутренних силах, что рвутся наружу, едва сдерживаемые тонкой кожей. О нестерпимом желании громко закричать, во всю мощь легких, но как же глупо это будет со стороны. О желании расплакаться, просто так, от бессилия. О безумном желании закрутиться в нелепом танце, под глупую мелодию. Непонятные, непостижимые, неведь откуда берущиеся, мощные и необузданные, спонтанные силы, которые он едва мог подавить, лишь крепче схватившись за руль. Да, руль его опора, стальной кузов его тюрьма. Но ведь он сам обрек себя, никто не держит его силой, но есть долг, тради-

ция, порядок.

– Я туда не хочу, просто не могу... -простонала Купер.

– Нужно перетерпеть, пережить, когда-то выйдем на прямую и рванём со всей мочи! – обнял ее Форд.

– Когда? Когда оно будет, наше время? Не испаряться ли во мне эти силы и желания, тогда, когда мы наконец выберемся?

– Но там неизвестность, там ты сама по себе? Что ты знаешь о той жизни?

– Не говори так, еще немного и я снова сдамся, и снова задавлю эти страсти в самый дальний уголок моей головы. Ты не можешь, не хочешь, не веришь, но прошу, не ломай меня.

– Я вовсе не хотел...

– Знаю... пойдём вниз, там я попаду в знакомую жизнь и все снова будет хорошо – она взяла его за руку и потянула за собой.

– Конечно. Все будет хорошо.

– Плохая была идея, сама не знаю, что на меня находит, как только я покидаю пробку, просто сама не своя.

– Сама не своя... – задумчиво произнес Форд.

Обратно шли молча, почти не обращая внимания на шумные компании и окружающую действительность. Возвращение в Пробку немного смягчило внутреннее переживание. Пробка всегда действовала умиротворяюще, словно родной

дом.

Они добрались до серого Форда. Открыли. Уютно расположились на передних сиденьях. Сняли обувь и вытянули ноги вверх, откинулись в креслах. Болтали до глубокой ночи. Душный воздух. Мерный гомон из тысяч окружающих машин, таких же неспящих как они. Свет сотен переносных прожекторов. Запах фритюрного масла и табака. Стук пивных бутылок. Все это завораживало и усыпляло.

– Думаешь завтра поедем? – спросила Купер.

– Не знаю, кажется да.

– Говорят, где-то поблизости город. Неужели все проедут мимо? Никто не останется?

– Никто не хочет терять место в пробке – ответил Форд, нервно ерзая в кресле.

– Никто...

– Знаешь... Если поедем, ты держись ближе ко мне.

– Ты же знаешь, это невозможно. Мы поедем с разной скоростью. Ты уйдешь далеко вперед, я отстану. Может наоборот.

– Не страшно, я буду бегать к тебе.

– Не говори ерунды! Ну раз, другой, а что дальше? Рано или поздно, бегать придется очень далеко. И в один день ты не сможешь вернуться домой во время и тогда ты потеряешь все. Свое место. Свою жизнь. Что тогда? Станешь "призраком"?

– Но мне хорошо с тобой, как не было очень давно.

– Мне тоже, но так уж у нас заведено. Ты сам знаешь. Через день, другой, мы разойдемся. Каждый по своему пути и ты должен дать мне обещание, что ты продолжишь свое движение. Я не хочу быть причиной твоего краха.

– Какая-то ерунда. Ничего не складывается... Разве это жизнь?

– Другой у нас нет. Да и потом, не хандри. Сегодня мы вместе и никуда не едем. Еще целая ночь впереди и если даже мы не уснем. Не страшно, покрыть несколько сотен метров можно и не выспавшись.

***

Она проснулась резко, от тревожного чувства. Осторожно, пытаясь не разбудить Форда, она повернула зеркало. Взъерошенные волосы, сонные неприглядные лица. Пару раз неловко махнула по волосам, пытаясь придать им порядок. Она буквально выпала из авто, на ходу натягивая ботинки, будто спешно ретирующийся любовник, не глядя на своего партнера. Дверь предательски скрипнула пыльными петлями. Она проверила, не разбудила ли. На затёкших непослушных ногах подошла к своей машине. Несколько секунд крутила ключом в хромированной замочной скважине красной двери и скользнув на сиденье, первым делом посмотрела в зеркало. Видимо осталась довольна, но смотреть на Форд не стала. Вставила ключ в зажигание и проверила, что есть индикация, смахнув пыль с приборов. После, пошари-

ла в бардачке и выудила бутылку воды. Глотнула, поморщилась. Сделала еще глоток и вернула бутылку обратно. В этот момент раздался необычно короткий сигнал к началу движения, словно тот, кто подавал его, делал это впопыхах. Неужели снова движемся? Стоит ли разбудить его? Наверно какая-то ошибка, кто-то случайно посигналил. На всякий случай она завела двигатель. Водительскую дверь не захлопнула, чтоб быстро добежать до серого Форда и вернуться обратно. Но внезапно продвинувшиеся перед ней машины, не оставили выбора. Она выкрутила руль и въехала в образовавшееся пространство. Тысячи гудков разносились над равниной.

Форд проснулся от гудков. Маленький красный Купер, увлекаемый потоком, сигналил изо всех сил и неминуемо отдалялся. Ему вторили сигналы других автомобилей.

Он резко распрямил затекшее тело, протер глаза, оценил ситуацию. Странно, что он не услышал сигналов к движению, похоже их не было. Наверно близость города или тот круговорот в долине, ускорили движение.

Он вставил ключ в зажигание и повернул. Лампочки вспыхнули. Все в порядке. Он довернул ключ, стартер зажужжал и... ничего не произошло. Стартер упорно крутил коленвал, но двигатель и не думал запускаться. Форд вытащил ключ и вставил снова. Немного подождал, играя педалью газа, чтоб продуть цилиндры. Машины обтекали его лавиной, нервно сигналиая, рискуя снести с пути. Без паники, па-

ника не поможет. Он игнорировал все за пределами кузова автомобиля, отстранился, сейчас все внимание на двигатель. Поворот ключа и снова ничего. Укол ужаса пронзил сердце, отчего биение его ускорилося как пришпоренный скакун. Раньше такого с ним не случалось. Усилием воли он подавил желание крутить стартер без остановки. Руки тряслись и не слушались. Но не позволял панике охватить нутро. Форд снова воткнул педаль газа в пол и повернул ключ зажигания, отпустил педаль и плавно играя ей, пробовал уловить момент запуска. Автомобиль фыркнул, чихнул, но не заводился. Краем уха он улавливал звуки первых аварий. Позади него скапливались машины не сумевшие вовремя его объехать. Теперь они присоединились к какофонии гудков. Стартер крутился казалось целую вечность, Форд качал педалью газа уже практически не надеясь на благополучный исход. Он останется здесь стоять в окружении бедолаг из столкнувшихся машин, непреложный закон – все едут, вы стоите, пока не урегулированы все финансовые претензии. Развязка наступила неожиданно. Стоявший позади автомобиль, водитель которого не в силах смириться с творящейся несправедливостью, совершил то единственное, что мог в сложившейся ситуации. Он нажал на газ и со всего размаху въехал в задний бампер его автомобиля. Форд сам удивился своей прыти, но в тот самый момент он бросил педаль сцепления. Двигатель, получив хорошего пинка, фыркнул и завелся. Из трубы вырывался черный дым заволакивающий все позади.

Запах бензина ударил в нос, но теперь это не важно – двигатель работал. Сцепление, передача, газ. Форд держал высокие обороты, чтоб не заглохнуть. Автомобиль с ревом разогнался, извергая клубы черного дыма. Машины, что не успели тронуться за ним, огрызнулись обиженными сигналами. Водитель позади гудел торжествующе!

Сначала навестать. Сведем счета потом. Где-то там впереди маленькая красная машинка, суть всех его мыслей. Автомобили набирали скорость и не думали останавливаться. Он с ужасом смотрел по сторонам, не узнавая привычную пробку. Двигатель ревет, второй передачи уже мало, давно ли он включал третью? Уже и не вспомнить, может включал еще его отец. Он вспомнил его лицо, а рядом добродушное лицо матери. Они переглядываются и умиленно смотрят друг на друга. Он никогда не понимал этих чувств, они казались ему странными и непостижимыми. Внезапно он их понял.

В потоке был хаос. Было ранее утро и впопыхах, спроне, многие не могли совладать со стремительно меняющимся положением. Уже произошли первые легкие столкновения. Никто не обращал на это внимания. Паника охватила всех. Люди бросали пожитки, бросали близких. Повсюду сновали кричащие люди в поисках своих близких, бросивших их уехав. Дети, обычно легко прибывающиеся к другим авто, стояли зареванные, не в силах сдвинуться с места,

лишь размазывая слезы по чумазым лицам. Никому до них не было дела. Машины ехали не разбирая препятствий, не считаясь с жертвами и ущербом. Они сбивали людей, таранили машины на своем пути, пролетали через костровища и разбросанные повсюду пожитки. Громко гремя, из под колес выскакивали котелки и чайники. Разливалась вода из бидонов и топливо из канистр. Повсюду вспыхивали новые пожары. Машины подхватывали пламя и загорались на ходу. Напуганные водители, не готовые к такому, не сознавая, что делают, останавливались, открывали капоты, давая доступ кислороду, чем только усиливали горение. Очаги пожара множились. Паника охватила равнину. Пытаясь избежать пожаров, автомобили сталкивались, корежили кузова, пробивали колеса, присоединяясь к погорельцам, что уже больше никуда не поедут.

Один раз, поддавшись внезапно накотившему чувству жалости, Форд остановился у одной из машин. Владелец стоял подле, на коленях и всполохи пламени отражались на его разгоряченном лице. Кисти рук обреченно обхватывали колени, нервно вздрагивая, словно агонизирующее животное. Форд разрывался между желанием помочь, утешить и пониманием бессмысленности всех его усилий. Огнетушителем уже не поможешь. Мимо на всех парах пронеслась пожарная машина, она, зараженная всеобщей страстью к движению, старалась не отставать от других, лихо объезжая горящие машины и аварии. Серый Форд неторопливо тронулся, объехав

горящий автомобиль и только пару сотен метров спустя, выбросив песок из под колес, резко ускорился.

Расстояние между машин никогда не достигала таких величин, буквально пропасть, так всегда бывает, когда растет скорость. Далеко впереди маячил хвост пробки. Автомобили немного замедлились, но по прежнему уверенно двигались, расстояние между ними сокращалось. Пробка постепенно уплотнялась и почти достигала своей привычной плотности, но движения не прекратила. Внезапно ландшафт, словно перекатившись через высшую точку, резко ушел вниз, открывая взору невероятную перспективу.

Сколько позволял видеть глаз, впереди расстилалась обширная долина с линзой небольшого озера посередине, каким-то чудом не пересохшего в этом сплошь заполненным разгоряченными автомобилями месте. Наверно озеро пополнялось подземными источниками. Вокруг озера, ставшего естественной преградой, бесчисленные разноцветные песчинки-автомобили сливались в обширный красочный вихрь. Питавшееся мощным потоком, в котором изнывал от нетерпения Форд, огромное автомобильное кольцо, наверно в добрую тысячу рядов, расходилось множеством меньших потоков во все стороны света.

Так вот в чем разгадка этих безумных рывков в движении. То самое место, что они видели ночью. Великое автомобильное кольцо. Слухи о нем передавались из уст в уста, но мало

кто мог представить, что хоть раз увидит его воочию.

Перебравшись через пик местности, весь поток устремились под гору. Едва успевая тормозить, они неминуемо приближались в центре водоворота, чтоб навсегда изменить свой путь и перемешаться с совсем другими людьми.

Форд обомлел от увиденного и только многолетняя закалка в пробке не позволила ему потерять самообладание и способность управлять автомобилем. Вцепившись влажными ладонями в руль, он спускался по сужающейся спирали приближаясь к самому центру. И только одно не давало ему покоя – маленькая красная машинка. В какой их бесчисленных поворотов она свернет, какой путь выберет, где ее искать?

Рев водоворота нарастал. Стихия, своей неминуемостью страшнее водопада, засасывала его автомобиль. Один неверный маневр и возможно он навсегда застрянет в этом круге, муравьином кольце смерти, так и не выбравшись на внешний край из которого можно съехать в любом направлении. Если такой проезд вызывал сложности на перекрестках мегаполисов, упорядоченных знаками и сигналами светофора, то представляете, что такое стихия тысячи рядов машин? В голове пульсировала мысль, что это возможно последний шанс в его жизни выбраться из пробки. Каждое решение здесь становилось судьбоносным. Люди меняли направление дви-

жения и тем меняли свою жизнь, часто до неузнаваемости. Многие большие семьи распадались, не имея прочной связующей силы. Повзрослевшие отпрыски семей, только оперившиеся птенцы, что воодушевленные, покидали родительские гнезда чтобы может больше никогда не увидеть своих родителей.

Водители в потоке изрядно нервничали, подгоняя друг друга автомобильными гудками, единственному средству позволяющему выпустить пар на дороге. Кажущийся невероятным стремительным спуск, тем не менее занял наверно не один час, тело Форда, непривычное к такому длительному переезду, ныло. Руки, плечи, скованный позвоночник, затекшие ноги, липкие и влажные ладони на руле. Но все это не имело никакого значения. Все мысли его, были обращены к маленькой красной машинке, неизменно возникавшей в прорехах потока. Призрачно маячившей, вспыхивающей то в одной, то в другой стороне, но неизменно исчезающей в плотном потоке. Впереди, сбоку, в зеркале заднего вида. Каждый раз, когда ценой удачи, ловкости, филигранной точности, невероятного риска и сверх усилий на руле, он приближался к маленькой красной машинке, пелена спадала с глаз и перед ним оказывался, то алый фургончик, то похожая малолитражка, а то и просто алая дверь как заплатка установленная с донора-автомобиля. В памяти вспыхивали образы, отрывки вчерашнего вечера, он искал в них символы спо-

собные указать, угадать куда ему ехать, где искать ее... Но как часто бывает в таких случаях, это лишь зыбкий коктейль из фантазий и образов, приятных воспоминаний и неги, без подробностей за которые можно зацепиться. Лишь пронизывающий чувства, милый образ.

Может она свернула в сторону ближайшего города, но какого? В округе Великого кольца их несколько. Следует ли ему искать ее там? Но на это жизни не хватит. А впрочем чем не цель его существования, гнаться за призрачной алой машинкой, постоянно маячащей впереди и неминуемо ускользающей в последний момент. Но что если он потеряет драгоценное время на поиски там, где искать бессмысленно? Она же будет удаляться все дальше и дальше. Метания и чувства, внутренние порывы, грозили разорвать его нутро. Куда поехать, что делать, на что решиться? Свернуть или остаться в потоке? Да, они рассуждали о возможности покинуть пробку, найти свой дом. Но он же не думал, что она об этом всерьез, слушал в пол уха, это же просто фантазии или все же нет? Да и что такое дом? Весь его дом здесь, его дом кузов серого Форда и он всегда с ним. Как панцирь черепахи, защищает от суровой погоды, от жизненных невзгод, неприятностей на дороге, хранит его скромные пожитки, служит ночлегом и везет куда надо. Хм... а куда ему надо? Да в общем никуда, ведь он уже дома. Дом ведь там где тебе хорошо, надежная скорлупа, куда можно укрыться. И все же эта мысль не оставляла его, не давала покоя. Разве дом это скор-

лупа рака отшельника? Может ли быть, что дом, это нечто другое. Разве автомобиль придумали для этого? Он никогда не думал об этом, но почему-то сейчас подумал. Если автомобиль и есть дом, то те, кто его придумали не очень-то старались. Тесный, жаркий, постоянные расходы на топливо и запчасти. И в нем зачем-то сделано много сидений. Он уже совсем забыл, зачем там много сидений. Но главное, автомобиль не давал чувства места, куда хочется вернуться.

Теперь он понял, пора выбираться и лучший способ покинуть пробку, ехать туда, куда никому не надо. Вот его шанс, вокруг хаос, работай рулем и выбирайся, прочь из пробки, все правее и правее, ряды конечны, ты выберешься. И он ловко орудовал рулем, рычагом выбора передач, разогнался и замедлялся, грубо подрезал, и ловко уходил от столкновений. И вот долгожданный край, вокруг никого, едь куда глаза глядят, найди себя, новую жизнь. И он разогнался, почувствовал скорость, почувствовал свободу. Он летит, пыльное облако вьется из под колес, оставаясь позади. Он высунулся из окна и ловит набегающие потоки ветра, прохлада освежает его лицо, а ветер выносит пыль из волос. Но время идет, топливо расходуется, а он так и не придумал куда ехать. Там, далеко впереди, пыльные облака уходят в сторону от основной пробки. Несколько смельчаков свернули в сторону и тоже хотя выбраться, кажется они знают, куда следует ехать. К их движению присоединяются другие автомобили и вот они увлечены новым движением, новым единением, едут своим

путем. Впереди тоннель. Вот он долгожданный путь. Не снижая скорость он въехал внутрь.

Яркий дневной свет исчез позади. Он включил свет и немного снизил скорость. Глядя на одометр, он оценивал пройденный путь. Тоннель неплохо сохранился, здесь почти не было влажности и видимых следов разрушения, похоже есть приток воздуха. Спустя три километра извилистого пути, он увидел маячивший впереди свет, росший по мере приближения. Впереди вспыхнули алые лампы стоп-сигналов. Он добрался до выезда из тоннеля. Через арку тоннеля проникает яркий солнечный свет. Перед ним несколько машин, но впереди сколько позволяет видеть взгляд, бесчисленные кузова автомобилей, стоящих в пробке. В зеркало заднего вида ударил яркий свет, сзади его закрыл еще один автомобиль. А за ним еще. Возможно им даже не удастся встроиться в пробку, если кто-нибудь не сжалится над ними. Но когда это будет. По меркам Пробки они здесь навсегда.